

Дружилов С.А.

СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
**ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ВО ВРЕМЕНА РЕФОРМ:**

ВЗГЛЯД ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

*«Дореформировались,
и вот я безработный. . .»*

Сергей Дружилов

**Социально-психологические
проблемы университетской
интеллигенции во времена
реформ. Взгляд преподавателя**

«Accent Graphics communications»

2015

Дружилов С. А.

Социально-психологические проблемы университетской интеллигенции во времена реформ. Взгляд преподавателя / С. А. Дружилов — «Accent Graphics communications», 2015

Эта книга – о социально-психологических проблемах преподавателей вузов, с которыми многие из них (более 100 тыс. человек) столкнутся уже в ближайшее время. Результатом «демографической ямы» стало резкое снижение количества выпускников школ. Уменьшается число студентов, нужно меньше преподавателей. Реформирование высшего образования, переход на двухуровневую («Болонскую») систему, уменьшение числа вузов – все это приводит к сокращению преподавателей. Опасность их безработицы стала реальной. Показано, что кризис высшей школы, с одной стороны, имеет исторические корни, а с другой – является следствием деструктивных реформ. Анализируются причины и механизмы увольнения преподавателей. Преподавателю вуза, потерявшему работу, книга дает необходимую юридическую информацию и поможет справиться со стрессом. Рассматриваются психологические аспекты преодоления личностного кризиса. Книга может быть полезна преподавателям вузов, практическим психологам, работникам психологических служб занятости, студентам, изучающим психологию, а также всем тем, кто интересуется практической психологией и проблемами отечественной высшей школы и высшего профессионального образования.

© Дружилов С. А., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Предисловие	5
Введение	8
Глава 1.	10
1.1 Трагедия высшей школы в период послереволюционной разрухи	12
Вузовская и научная интеллигенция – объект террора	16
«Философский пароход»: высылка интеллигенции	19
Истоки: вузовская и академическая среда в начале XX века	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Дружилов

Социально-психологические проблемы университетской интеллигенции во времена реформ. Взгляд преподавателя

Предисловие

Эта книга – о социально-психологических проблемах преподавателей высшей школы, с которыми многие из них столкнутся уже в ближайшее время. Многим придется выживать в новых условиях, и нужно быть готовыми к этому. Замысел этой книги возник, когда я заканчивал писать книгу «Психология выживания личности в современном мире», вышедшую в издательстве «Гуманитарный Центр» в 2012 г. Тогда стало понятно, что проблема психологического выживания вузовской интеллигенции настолько объемна, что требует рассмотрения в отдельной книге. А растущая с каждым месяцем актуальность проблемы и близость ее автору, преподавателю вуза с 34-х летним стажем, заставляли работать увлеченно.

Среди множества испытаний, через которые приходит наша страна в эти годы, особняком стоит надвигающаяся безработица преподавателей вузов. О ней в очередной раз вспомнило Министерство образования и науки РФ. Оно представило в правительство и разослало по федеральным ведомствам расчеты, свидетельствующие о том, что без работы в период с 2011 г. по 2015 г. могут остаться около 100 тыс. преподавателей вузов [Смирнов, 2010; Фурсенко: Сокращение вузов..., 2010].

Потеря работы для человека, проработавшего большую часть жизни в вузе и имеющего соответствующее образование и квалификацию – это жизненный кризис, сопровождающийся психологическим стрессом.

Официальное объяснение предстоящему уменьшению численности преподавателей весьма простое – демографический кризис. Мало стало в стране подростков и молодежи. Продвигаются к окончанию школы малолюдные поколения – значит, мало будет студентов. Говорится о том, что учить теперь нужно иначе: специалистов с пятилетним обучением в вузе – не будет, а бакалавры будут учиться четыре года. Да и много ли нужно этих бакалавров, непонятных для наших работодателей, и кому они нужны в «скукожившемся» хозяйстве страны? А до магистратуры и не всякий студент дойдет. Поэтому и вузов нужно меньше – значит, нагрузка на бюджет снизится. Поэтому и не всем преподавателям, – особенно, в государственных и муниципальных вузах, – удастся сохранить работу.

Простота объяснения не делает ситуацию менее драматичной. Интеллигенция уже много испытала по части безработицы, падения доходов подобных унижений и за первые советские годы, и за постсоветский период. Значит, горькая чаша выпита еще не до дна?

Вот и получается, что из-за *демографической ямы* 1990-х и перехода на *уровневую* (Болонскую) систему обучения каждый четвертый (если не третий) преподаватель вуза в ближайшие годы останется без работы.

Это одна сторона, отражающая официальную версию событий. Но она не единственная. Действительно, проблема демографии есть, и она «бьет» по высшей школе сразу с двух сторон: «сверху» и «снизу».

Сверху «давит» процесс старения и естественной убыли в профессорско-преподавательском корпусе. А отсюда – проблемы и «воспроизводства» преподавательских кадров, и профес-

сионализма молодого поколения преподавателей, и социально-психологические конфликты на кафедрах.

Снизу – «демографическая яма», выхода из которой пока не видно. С ней связана проблема снижения количества абитуриентов, которая сопровождается падением качества их подготовленности к учебе в вузе (уже в полной мере проявляются последствия ЕГЭ), и мотивации студентов: «А что мне делать с дипломом вуза дальше?». А это уже – комплекс проблем.

Негативные ее последствия демографии тоже возникли не «вдруг». О не проблемах воспроизводства научно-педагогических кадров говорится давно, этом писал в своих статьях и автор этой книги. И на «грабли» с «демографической ямой» уже наступали: вспомним эпопею сначала с закрытием и продажей детсадов – а потом с их резкой нехваткой. Теперь «яма» сдвинулась на возраст окончания школы – но «детсадовским» путем проблему вузов не решишь! И проблема «застоя» в вузах, и несоответствие количества (и качества) выпускаемых специалистов потребностям рынка труда возникли не сегодня. Но результаты государственных аккредитаций вузов констатировали: «Все в порядке!». А тем временем реформы идут, -каким-то своим путем. И пролегает он через судьбы людей.

«Вдоль дороги всё не так, а в конце подавно...» (В. Высоцкий).

В книге показано, что проблема кризиса отечественной системы высшего образования имеет глубокие исторические корни. В.С. Ключевский писал «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий». И вот теперь мы имеем то, что имеем. А в заложниках нынешнего реформирования оказалось множество преподавателей вузов.

Чтобы проследить исторические вехи развития отечественной высшей школы, пришлось обратиться к исторической и аналитической литературе, документам. Какие-то факты и иллюстрирующие их статистические показатели даются развернуто, какие-то – кратко: это связано и с ограничением объема книги, и, конечно, с авторской позицией. Период истории высшей школы, начиная с «застоя», последовавшей за ним «перестройки» и далее прожилась автором, преподавателем вуза, как очевидцем и даже участником событий.

«...И из собственной судьбы я выдергивал по нитке» (Б. Окуджава).

В конце книги приводится достаточно обширный библиографический список используемых источников. Это позволяет заинтересованному читателю углубить свои знания по заинтересовавшим его моментам и уточнить собственную позицию.

За текучкой повседневных преподавательских дел, лекций и семинаров, лабораторных занятий и курсовых работ мы порой не видим ситуацию в ее полноте, свое место в ней. Нас давит рутинная оформление кипы бумаг в виде новых учебных планов и программ – то, что преподаватели кафедр называют «ахинеей третьего поколения». В суете и кафедральных дрязгах последних лет мы порой не замечаем, что действительность изменилась так кардинально, что наши былые планы на будущее уже рассыпались.

Неразумно проводимые реформы образования усугубляются экономическим кризисом. На этом фоне обостряются социально-психологические проблемы в коллективе, которые могут стать «спусковым крючком в катапульте» и привести к потере работы.

Книга дает возможность *работающему* преподавателю взглянуть *со стороны* на ситуацию в вузе и в образовании в целом – и на свое место в ней.

Подумать над тем, что его ждет, каковы возможные варианты изменений на кафедре и в вузе и построить свою стратегию с учетом психологической «цены».

Преподавателю, находящемуся *«на грани»*, книга поможет сделать верный выбор в критической ситуации, представлять дальнейшее ее развитие, сохранить себя и выстроить конструктивное поведение.

Преподавателю вуза, уже *потерявшему работу*, книга даст не только необходимую юридическую информацию, но и поможет нормализовать свое психическое состояние при лич-

ностном кризисе, справиться со стрессом, обрести себя в новых условиях – и сделать первые шаги к новой цели.

Человеку, оставшемуся без работы, Законом гарантируются определенные права, но возникают и некоторые обязанности. В книге дается необходимая правовая информация, позволяющая Вам вести поиск работы и регулировать свой трудовой статус в соответствии с Вашими интересами.

Человек, потерявший работу, «выпадает» из устойчивой и привычной ему повседневности. «Выбитый из орбиты мир» (по образному выражению М.К. Мамардашвили) провоцирует у человека состояние растерянности, что способствует кризису ценностных ориентаций. Поэтому большое внимание в книге уделено психологическим аспектам *преодоления* личностного кризиса. Книга ориентирует не только на *стратегии* выбора новой жизненной траектории, но и дает ряд *тактических рекомендаций* для ее осуществления.

В Приложении приведены два психологических Опросника. Первый из них позволит читателю самостоятельно провести оценку свалившихся на него проблем, определить, в какой степени они угрожают возникновением стресса с тяжелыми последствиями для здоровья. А предупрежден – значит, вооружен!

Второй Опросник позволит читателю самостоятельно определить уровень депрессии – как степень выраженности депрессивных симптомов.

Введение

Китайская народная мудрость говорит: не дай Бог жить во времена перемен!

В этом смысле нашим соотечественникам за век досталось сполна – первая Мировая война, революция 1917 г., Гражданская война, периоды репрессий, коллективизаций, индустриализаций, Великая отечественная война, периоды восстановления, застоя, перестройки, полная смена 1991 г., разрушение СССР, разруха, реформы, кризисы и т.д.

В книге рассматриваются социально-психологические проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели высших учебных заведений (университетов, институтов) во времена глобальных перемен и кризисов.

Рассматриваемая в книге тема – многогранна, для ее раскрытия автор привлекает демографию и историю, политику и социологию, психологию и конфликтологию. Читатель найдет здесь неизвестные и забытые факты становления современной Российской высшей школы.

В.С. Ключевский писал: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Обращение к истории позволяет глубже взглянуть на нынешнюю ситуацию, увидеть тенденции ее развития.

Основной текст книги состоит из четырех глав. В первой главе рассматривается историческая подоплека кризиса высшего профессионального образования (ВПО) в России. Первый период относится к послереволюционной разрухе, поставившей преподавателей вузов (да не только их) в ужасающее положение. Трагизм положения интеллектуального слоя в годы разрухи усугубляется «красным террором» по отношению к российскому «образованному слою», важнейшей частью которого является вузовская интеллигенция. Показано, какие потери понесла вузовская и академическая среда.

Второй период, рассматриваемый в книге, относится к НЭП и последовавшей за ним форсированной реконструкции экономики в России, сопровождавшейся экстенсивным развитием ВПО. Для этого периода характерны свои особенности взаимоотношения государства и преподавателей вузов. Со сменами пятилеток принятый властями лозунг «техника решает все» вынуждено заменяется на другой – «кадры решают все»; была осознана и значимость ВПО. Однако – с определенными оговорками, которые сказались на положении преподавателей вузов.

Третий период, рассматриваемый в книге в качестве исторической подоплеку кризиса отечественного ВПО, являются послевоенные годы. Это было, с одной стороны, время наивысшего подъема высшей школы, с другой - стороны ее застоя и бюрократизации. А перестройка и последовавшее «лихолетье» 90-х с коммерциализацией высшего образования нанесла сокрушающий удар по ВПО. В главе показано, что кризис высшей школы стал следствием многолетнего накопления ошибок.

Во второй главе рассматриваются, почему и как преподаватель вуза сегодня может сегодня стать безработным. Рассматриваются перспективы отечественной высшей школы в условиях «неожиданного» попадания общества в «демографическую яму», экономического кризиса и разрушительного курса на так называемую «оптимизацию» вузов путем их сокращения или объединения.

В третьей главе показано, что возникшая на кафедре вуза в этих условиях «борьба за существование» (в форме издевательств, психотеррора) выбрасывает «за борт» преподавателей, одного за другим, не прибегая к процедуре формального сокращения. Известно, что склоки и дразги «выбивают» самых талантливых, а посредственности – более «выживаемы» в подобных ситуациях и имеют свойство «множиться».

В четвертой главе рассматривается ситуация, когда преподаватель вуза уже лишился работы, – и не по своей вине. Безработица – это стресс, депрессия, личностный кризис. Что

делать, как жить дальше? Рассматриваются правовые, организационные и психологические аспекты. Даются конкретные рекомендации, как пережить негативную ситуацию, как обрести себя заново – в работе, в жизни, в семье. Книга поможет Вам найти свой ответ на эти вопросы.

После необходимого в каждой книге Заключения размещен раздел «Персоналии», в котором в алфавитном порядке даются сведения о тех исторических персонажах на которых автор ссылался в книге.

Для читателя, который более глубоко, чем рассмотрено в книге, заинтересовался событиями и фактами, в разделе «Список литературы» приводятся первоисточники, которыми можно воспользоваться.

В приложения – психологические опросники, позволяющие читателю провести самооценку навалившихся проблем, определить уровень депрессии.

Предупрежден – значит вооружен!

Глава 1.

Историческая подоплека кризиса высшей школы в России

*«Прошлое – это лишь пролог»
Вильям Шекспир (1564-1616 гг.)*

«История не учительница, а надзирательница, magistra vitae {с лат. -наставница жизни}: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков».

В.О. Ключевский (1841-1911 гг.), русский историк

*«Времена не выбирают – в них живут и умирают...»
Александр Кушнер (род. 1936 г.), современный русский поэт*

Память – это то, с помощью чего мы выживаем во внешнем мире. Это способ адаптации нашего поведения к изменению окружающей среды, а среда изменяется постоянно. Историческая память – это, в первую очередь, сознательное обращение к прошлому со всеми его положительными и отрицательными моментами, попытка восстановить действительность происшедших событий.

Обращение к истории позволяет нам по новому, глубже взглянуть на нынешнюю ситуацию, а порой и помогает прогнозировать её развитие. Быть может, в этом отношении имеет смысл говорить о цикличности истории, даже не в смысле событийной цикличности, а в плане смысловой цикличности.

История *мирового* высшего образования показывает, что развитие *высшей школы* шло даже не параллельно, а *опережающее* по отношению к развитию *общества*. Развитие высшего образования в *целом предшествовало* прогрессивным изменениям в обществе, являясь, следовательно, их предпосылкой. И наоборот, задержки в его развитии – замедляли прогресс.

Разумеется, в каждой стране динамика становления и развития высшего образования подчинена своим приоритетам и граничным условиям, определяемым экономическими, социальными и культурными особенностями. Свои приоритеты и ограничения развития высшей школы были и в СССР, есть они и в постсоветской России. История отечественного высшего образования показывает, что оно, с одной стороны, всегда следовало вектору экономического развития страны, а с другой – являлось отражением представленной в данный момент социально-политической ситуации.

Нравится нам, или нет, но все мы родом из Советского Союза. Оттуда же родом и наше отечественное, российское высшее образование. Нынешняя высшая школа во многом базируется на достижениях советских времен. И несет на себе груз накопленных проблем, проявляющихся уже в последние два советских десятилетия и усугубленных постсоветскими реформами высшего образования.

«История повторяется дважды: первый раз в виде трагедии; второй – в виде фарса» – емко сформулировал когда-то немецкий философ Гегель (1770-1831 г.). Гегелевскую формулу можно отнести и к истории *становления* отечественного высшего образования и его *реформирования*. И, похоже, что наблюдаемая динамика трансформаций российского высшего образования может быть представлена уже трехзвенной формулой: «трагедия – фарс – и вновь трагедия», где третье звено формулы в ряде случаев относится к нынешним реформациям. Ничего не поделаешь – диалектика!

Рассматривая историческую подоплеку нынешнего кризиса ВПО и безработицы преподавателей вузов России, будем обращать внимание на прецеденты подобных явлений в нашей стране.

Исторический экскурс направляет нас, прежде всего, в послереволюционные годы. Здесь мы можем найти первые аналогии событиям совсем недавнего прошлого.

1.1 Трагедия высшей школы в период послереволюционной разрухи

*«Нищета ведет к революции, революция – к нищете»
Виктор Гюго (1802-1885 гг.), французский писатель*

Глобальная разруха – и не только в головах...

Послереволюционная Россия. Разруха. Полный упадок в промышленности. Не работает транспорт. Нет топлива, электроэнергии. Катастрофическая нехватка продовольствия – крупные города отрезаны от продовольственных страна. Этот страшный период советской истории Герберт Джорж Уэллс (1866-1946 гг.), английский писатель и публицист, автор фантастических романов, приехавший второй раз в Россию, называет временем полнейшего разгрома, социального разложения, распада общества. В книге «Россия во мгле» Герберт Уэлс пишет: «Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы» [Уэллс, 1964].

Общая численность населения страны по данным переписи 1920 г. (по состоянию на 28 августа) составила 136,8 млн. человек. По сравнению с началом 1917 г. численность населения сократилась на 6,7 млн. человек. Примерно 2 млн. из этого числа приходится на эмиграцию из страны, остальные 4,7 млн. – демографические потери от гражданской войны, вызванных ею голода и эпидемий, а также сокращения рождаемости [Волков, 1999].

Смертность в Петрограде в 1920 г., по сравнению с 1914 г., возросла почти в 4 раза и была выше 81 чел. на тысячу населения. Рождаемость среди недоедающего и «глубоко удрученного населения» (формулировка Г. Уэллса) снизилась по сравнению с довоенным уровнем *в три раза* и составила 15 чел. на тысячу [там же].

С фронтов по своим домам возвращаются миллионы солдат – голодных, разочарованных, озлобленных. А их путь к своим домам, – при разрушенной транспортной системе, – далек и долог и пролегает через крупные города. Послереволюционная разруха сопровождается уголовным «беспределом», разбоем.

Г. Уэллс пишет: «Это было время разгрома, время полнейшего социального разложения. Это был распад общества. ... Среди бела дня на улицах Москвы и Петрограда людей грабили и раздевали, и никто не вмешивался. Тела убитых валялись в канавах порой по целым суткам, и пешеходы проходили мимо, не обращая на них внимания. Вооруженные люди, часто выдававшие себя за красногвардейцев, врываются в квартиры, грабили и убивали. В начале 1918 года новому, большевистскому правительству приходилось вести жестокую борьбу не только с контрреволюцией, но и с ворами и бандитами всех мастей. И только к середине 1918 года, после того как были расстреляны тысячи грабителей и мародеров, восстановилось элементарное спокойствие на улицах больших русских городов» [Уэллс, 1964].

Особенно тяжкая была ситуация в потребляющих районах России, включая крупные города, которые теперь мы называем университетскими центрами (Москва, Петроград, Томск, Казань, Екатеринбург, Таганрог, Новочеркасск, Харьков). Бешеная инфляция сочеталась с отсутствием продуктов и товаров.

В Москве за годы 1-й Мировой и гражданской войны цены на соль выросли в 125 тыс. раз, сахар – в 28 тыс. раз, картофель – в 21 тыс. раз, пшено – в 15 тыс. раз. В Петрограде в 1918 г. рыночные цены были выше, чем в Симбирске, в 15 раз, чем в Саратове – в 24 раза [Подлинная история РСДРП., 2010, с. 335].

Национализация предприятий предотвратила дальнейшее их закрытие и, казалось бы, создала условия для обеспечения полной занятости работников. Однако введенное на предприятиях принудительное регулирование заработной платы, которая в то время была ниже прожиточного минимума, привело к значительному падению производительности труда.

К апрелю 1918 г. было зарегистрировано уже 344 тыс. безработных, 33% из них составляли квалифицированные рабочие. Примерно столько же могли быть неучтены из-за отсутствия на местах органов трудоустройства.

Годы гражданской войны характеризуются чрезвычайной экономической бедности государства. «Искусство, литература, наука, все изящное и утонченное, все, что мы зовем "цивилизацией", было вовлечено в эту стихийную катастрофу» – пишет Г. Уэллс. Большинство населения страны в этих экстремальных условиях столкнулось с проблемой *выживания*. На грани жизни и смерти оказались и интеллигенция, включая ученых и преподавателей вузов.

Снабжение населения в городах осуществлялось по карточкам на основе *классового* принципа. Высшую норму получали рабочие. Естественно, что преподаватели вузов, «гнилая интеллигенция», к категории рабочих не могли быть отнесены, и продовольственная норма была для них значительно ниже. Введенный затем «спецпайк»: красноармейский; совнаркомовский – для «ответственных» работников; «академический» паек, который был в 1,5-2 раза больше пайка рабочего с индустриального предприятия – для весьма ограниченного круга ученых, «пригретых» властями). А «обычным» преподавателям вузов спецпайк был не положен.

Обычные карточные нормы обеспечивали от 30 % до 50 % необходимых для выживания продуктов. Остальное приобреталось у «мешочников», доставлявших продукты из плодородных районов, нередко пересекая линию фронта. Широкое распространение получил натуральный безденежный обмен. В гости идут, взяв в качестве подарка хозяевам хоть немного еды, пару поленьев дров. Распространились заболевания, возникали эпидемии: тиф, холера. Нет мыла, редко работают бани. Учебные заведения не отапливаются.

Для науки, искусства, литературы, высшего образования страны катастрофа 1917-1918 г. оказалась совершенно губительной. «Покупать книги и картины больше некому; ученый получает жалованье в совершенно обесцененных рублях. Новый, незрелый еще общественным строй, ведущий борьбу с грабежами, убийствами, с дикой разрухой, не нуждается в ученых; он забыл о них. [...] Поэтому научным работникам, жизненно необходимым каждой цивилизованной стране, приходится терпеть сейчас невероятную нужду и лишения» [Уэллс, 1964].

В 1918 г. в 308 научных учреждениях Советской России, по разным данным, было от 7326 [Волков, 1999., табл. 4] до 12,5 тыс. [Изменения социальной. , 1976, с. 292-293] научных работников, значительная часть которых к 1920 г. сосредоточились, основном, в столицах – Петрограде и Москве. Они, как пишет Г. Уэллс, оказались не нужны молодому Советскому государству.

Только в самом конце 1919 г., когда многие преподаватели вузов уже умерли от голода и холода, советское правительство ввело для профессоров и доцентов *продовольственные пайки*, которые были достаточны, чтобы они и члены их семей не голодали.

Однако ситуация все еще оставалась чрезвычайно тяжелой. Г. Уэллс пишет: «Во время нашего пребывания в Петрограде (в сентябре 1920 г. – уточнение наше, С.Д.) введен бесплатный проезд (в трамвае – С.Д.). В прошлом году температура во многих жилых домах была ниже нуля, водопровод замерз, канализация не работала. Люди ютились в еле освещенных комнатах и поддерживали себя только чаем и беседой» [Уэллс, 1964].

Действия власти были направлены на удовлетворение исключительно тех сиюминутных потребностей, от которых зависело выживание государства и самой власти. К тому же у людей, управлявших в тот период страной, существовали идеи о необходимости коренной перестройки всей системы высшего образования, унаследованной от царской России («разрушим все до основания, а затем...»). Выдающийся русский историк Ю.В. Готье (1873-1943 гг.),

академик АН СССР (с 1939 г.), в своем дневнике приводит слова А.В. Луначарского, который весной 1918 г. называл российские университеты кучей мусора [Готье, 1997, с. 130]. И ныне признается, что А.В. Луначарский, как и все советские деятели того времени, был убежден в том, что старая школа себя изжила [Андреев, 2008, с. 198].

Обратим внимание на то, что Лев Троцкий, отдавая должное образованности А. В. Луначарского и признавая его заслуги «в повороте дипломированной и патентованной интеллигенции в сторону советской власти», пишет в 1934 г., что «как непосредственный организатор учебного дела, он оказался безнадежно слаб. После первых злополучных попыток, в которых дилетантская фантазия переплеталась с административной беспомощностью, Луначарский и сам перестал претендовать на практическое руководство. Центральный комитет снабжал его помощниками, которые под прикрытием авторитета народного комиссара твердо держали вожжи в руках» [Троцкий, 1934; Троцкий, 1991, с. 369-370].

Таким образом, на переломном этапе страны руководить образованием приходит дилетант, не специалист, пусть и хороший человек, и эрудит! Как похожа нынешняя ситуация с руководством Министерством науки и образования РФ с ситуацией в Наркомате просвещения страны 90 лет назад.

Что-то остановило большевиков от формальной ликвидации университетов. Тем не менее, введение новых правил приема в вузы на основании декрета

В. И. Ленина от 2 августа 1918 г., предоставляющего всем трудящимся право поступления в любое высшее учебное заведение *независимо от предварительного образовательного ценза* облегчило прием малообразованных людей. Ликвидация юридических и исторических факультетов и другие «инновации» существенно снизили качество высшего образования.

Однако, как отмечает Г.И. Ханин, наиболее трагические последствия имело катастрофическое сокращение финансирования вузов. Оно привело также к катастрофическому ухудшению материального положения преподавателей, поставив даже профессоров на грань, – и за грань голода и холода.

Полностью прекратилось обеспечение вузов новыми книгами и оборудованием, отопление учебных и научных помещений [Ханин, 2008].

Но и в этих условиях интеллектуальная жизнь творца продолжается – пусть и наедине с самим собой и своими мыслями. Подтверждение этому мы находим у графа Алексея Николаевича Толстого (1883-1945 гг.), русского и советского писателя в романе «Хождение по мукам: Восемнадцатый год». Возле печки-«буржуйки», – пишет А.Н. Толстой, «придвинув поближе изодранное кресло, профессора, обросшие бородами, в валенках и пледах, писали удивительные книги» [Толстой, 1971, с. 268].

Уже в начале 20-х г. власти Советской России приступили к формированию новой, пролетарской интеллигенции.

В то же время ряд ученых, профессоров, преподавателей вузов с энтузиазмом восприняли социальные преобразования, проводившиеся под лозунгами «социальная справедливость», «равенство», «свобода», «братство». Они искренне верили в то, что Россия стоит на пороге социального и духовного возрождения, что революция открыла новые, перспективы в развитии общества, стремились активно включиться в созидание новой жизни [Абульханова-Славская и др., 1997, с. 50].

Почти исключительно на энтузиазме «голодных и холодных» преподавателей, высшая школа продолжает работать! Молодые люди идут учиться! По данным, приводимым С.В. Волковым, если в начале 1918 г. в стране было всего 60 тыс. студентов, то к осени 1919 г. их число увеличилось от 2-3,7 раза и составило 117 тыс. [Волков, 1999] (по другим данным, на которые также ссылается С.В. Волков – 231,3 тыс.). В 1919 г. насчитывалось 4100 университетских преподавателей (по другим данным – 1927). И они работают, занимаются образовательной и научной деятельностью!

Выпуск специалистов вузами небольшой: многие молодые люди, попавшие в вуз «по разнарядке», не имеющие элементарных знаний для обучения, студентами лишь числились. И все же выпуск дипломированных специалистов есть! Известно, что за 1918-1921 гг. вузы выпустили 1,6 тыс. инженеров [Сафразьян, 1977, с. 68].

31 января 1920 г. по инициативе М. Горького в Петрограде был открыт первый в советской России Дом ученых – во Владимирском дворце, по адресу: Дворцовая набережная, дом 26. Его история началась с размещения здесь Петроградского комитета по улучшению быта ученых (ПетроКУБУ). В 1921 г. по инициативе В.И. Ленина комитет был преобразован в правительственную организацию – Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) при Совете Народных Комиссаров (СНК) страны, существовавшую до 1937 г.

Это был специальный центр распределения продовольствия, снабжавший, по данным Г. Уэллса, 4 тыс. научных работников и членов их семей, в общей сложности около десяти тысяч человек [Уэллс, 1964] Тут не только выдавали продукты по карточкам, но была и парикмахерская, ванная, сапожная и портняжная мастерские и другие виды обслуживания. Имелся даже небольшой запас обуви и одежды. Здесь же работал медицинский стационар для больных и ослабевших.

Деятельность созданной в 1921 г. ЦеКУБУ не ограничивалась организацией материальной помощи, в ее компетенцию входили также вопросы «культурного объединения» деятелей науки и искусства. Структура ЦеКУБУ изначально состояла из двух основных органов: *экспертной комиссии*, которая занималась вопросами распределения материальной помощи, и *управления делами*, взявшего на себя решение других организационных вопросов, в частности, вопросов санаторного лечения, обеспечения культурных и деловых связей с другими регионами и проч.

Для улучшения материального положения и обеспечения *провинциальных* ученых ЦеКУБУ в 1922 г. были образованы местные Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ).

Следует иметь в виду, что ЦеКУБУ создавалась по принципу *элитарной*, а не профсоюзной организации. По данным отечественных историков (Е.В. Водопьяновой, Л.В. Ивановой, Е.А. Осокиной), на ее обеспечении находилось 8000 человек с семьями – наиболее ценные специалисты всех отраслей знания и искусства. Списки ученых, как пишет Е.А. Осокина, составлялись «на местах» и рассматривались Экспертной комиссией ЦеКУБУ, после чего утверждались правительством. Ученые, профессора, преподаватели вузов, «попавшие в список» ЦеКУБУ, уже в то время получали определенные привилегии. Им выдавался бесплатный *академический* паек дополнительно к основному пайку, который получала интеллигенция в тот период.

Кроме того, ЦеКУБУ выдавала «списочным ученым» небольшое денежное обеспечение и премии, как считалось – «за лучшие научные труды», – а также, что более существенно, чем обесцененные деньги, дрова, белье, обувь, одежду, бумагу, карандаши, чернила, электрические лампочки. В условиях разрухи и голода это были бесценные дары.

С дальнейшим развитием ЦеКУБУ система благ и льгот расширялась. Но пока критериями для этой правительственной организации (сейчас бы ее, вероятно, именовали бы «фондом») были реальные научные труды. «Внутри интеллектуальной элиты, попавшей в списки ЦеКУБУ, формировалась внутренняя иерархия. Поскольку старые звания и регалии не действовали, а новые еще не были созданы, единственным мерилom значимости ученого служили его научные труды. Иерархия снабжения определялась научной значимостью ученого. Этот принцип действовал порой независимо от службы на государство. Ученые и деятели искусства могли получать блага, просто работая дома и даже находясь за границей» [Осокина, 1999, с. 103].

В то же время, через ЦеКУБУ советское правительство проводит политику искусственного расслоения научно-педагогического сообщества. Отнесенных к одной категории «пра-

вильных» ученых власти хорошо «пригревали и подкармливали». Ученым и профессорам, отнесенных к иной категории, не только выделялось меньшее ресурсное обеспечение, но и через этот правительственный орган давалось «добро» на проведение по отношению к ним санкций и репрессий. Но об этом – позже. А сейчас вернемся во *времена разрухи* в Советской стране.

Английский писатель, посетивший Россию в это страшное и жестокое время, отмечает позитивный вектор в действиях Советского правительства по отношению к выпуску «серьезной литературы». Г. Уэллс пишет: «В Англии и Америке выпуск серьезной литературы по доступным ценам фактически прекратился сейчас "из-за дороговизны бумаги". Духовная пища английских и американских масс становится все более скудной и низкопробной, и это нисколько не трогает тех, от кого это зависит» [Уэллс, 1964].

Обратим внимание, что эта проблема близка и понятна нашему, *- думающему*, - современнику второго десятилетия XXI века!

Далее писатель и публицист называет позитивные действия молодой Советской власти, изначально ориентированной на просвещение народа: «Большевистское правительство [...] стоит на большей высоте [по сравнению с правительствами Великобритании и США, не уделяющего внимания изданию – С.Д.]. В умирающей с голоду России сотни людей работают над переводами; книги, переведенные ими, печатаются и смогут дать новой России такое знакомство с мировой литературой, какое недоступно ни одному Другому народу» [там же].

И мы помним, что это все продолжалось более 70-ти лет, и наша страна по праву была признана самой читающей в мире. Но продолжим воспоминания очевидца, высказывающего сожаления о том, что «эта созидательная работа носит отрывочный, наспех организованный характер. Какими путями всемирная литература дойдет до русского народа, я не представляю.

Книжные магазины закрыты, а торговля книгами запрещена, как и всякая торговля вообще. Вероятно, книги будут распределяться по школам и другим учреждениям» [там же].

Отметим, что в отечественной истории в разные ее периоды, – и не только в годы гражданской войны, – нужды высшего образования неизменно находились в числе приоритетов властей на одном из *последних* мест.

После гражданской войны, преодоления экономической разрухи, вся дальнейшая история советского высшего образования *идеологически* связана с двумя обстоятельствами факторами, на которые указывает Г.И. Ханин. С одной стороны – глубокое уважение, почтительное отношение к науке и образованию, признание их огромного значения для развития общества и экономики. С другой стороны, – стремление властных структур обеспечить политическую лояльность студенческого и преподавательского состава вузов [Ханин, 2008].

Трагизм положения интеллектуального слоя в годы разрухи усугубляется революционным террором (или так называемым «красным террором») по отношению к российской интеллигенции, важнейшей частью которой является научная и университетская интеллигенция.

Еще не раз в отечественной истории преподаватели и ученые будут жертвами *репрессий* и различных видов *террора*. Поэтому необходимо изначально разобраться в используемых в понятиях.

Вузовская и научная интеллигенция – объект террора

«Террор – бесполезная жестокость, осуществляемая людьми, которые сами боятся».
Ф. Энгельс (1820-1895 гг.)

Этимологически термин «террор» (лат. *terror* – страх, ужас) означает действия, направленные на устрашение политических противников, выражающимся в *насилии* (вплоть до уни-

чтожения), и принуждение его вести себя определенным образом. «Террор» – это способ управления социумом посредством превентивного устрашения.

Подлинный террор (в смысле «запугивание») не равнозначен понятию «массовые репрессии», он подразумевает внушение *тотального страха* не только *реальным* противникам – борцам с режимом (которые и так знают о последствиях и готовы к ним), а целым *социальным общностям*. Изначально (до теракта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке) террор мыслился как «репрессивный способ существования государства в условиях революции, как полная временная неразделенность политической и юридической власти, оправдываемая исключительными обстоятельствами».

Потребность в управлении посредством превентивного устрашения возникает тогда, когда ставится задача построения общества «тоталитарного» типа, ибо «тоталитаризм», по определению, лишен легитимной основы [Одесский, Фельдман, 1997]. Не будучи легитимным, «тоталитарный» лидер страшится в любой момент утратить свои полномочия и поэтому готов предпринимать любые меры для удержания своей власти.

Приведенное утверждение применимо не только по отношению к правительству либо к первому руководителю страны, т.е. на *макро-уровне*. Оно «работает» и на *микро-уровне*. Тоталитарный руководитель университета, факультета, кафедры вуза, «дорвавшийся» до должности не на основе своих заслуг и поддержки коллектива, а исключительно под влиянием некоторых сторонних сил и обстоятельств, также боится потерять свою должность. И весьма велика вероятность, что такой начальник будет применять меры устрашения («психологический террор») по отношению к своим «инакомыслящим» подчиненным.

Но это уже отдельная, не столько историческая, сколько психологическая тема, и о ней речь в 3-й главе книги.

Специфика политики большевиков в 1917-1923 гг. состояла в установке, согласно которой люди подлежали уничтожению по самому факту принадлежности к определенным социальным слоям, кроме тех их представителей, кто «докажет делом» преданность советской власти.

Официальным началом Красного террора принято считать Декрет СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре». Поводом к началу большевистского («красного» террора) стало покушение на В.И. Ленина еврейки Ф. Каплан и *убийство* эсером Л. Канегиссером ненавистного всем председателя Петроградского ЧК Моисея Урицкого, произошедших в один день – 30 августа 1918 г.

Определение понятия «красный террор» дает С.В. Волков в предисловии к своему сборнику «Красный террор глазами очевидцев». Под «красным террором» понимается широкомасштабная кампания репрессий большевиков, строившаяся по социальному признаку и направленная против тех сословий и социальных групп, которые они считали препятствием к достижению целей своей партии [Волков, 2009]. Люди, входящие в эти сословия или социальные группы заведомо (независимо от их вины) провозглашались классовыми врагами и обвинялись в контрреволюционной деятельности.

Можно утверждать, что объектом «красного террора», развязанного большевиками после прихода их к власти, изначально стал старый образовательный (интеллектуальный) слой российского общества.

Известно, что российский «образовательный слой» в большинстве своем встретил большевистскую революцию резко враждебно. Более того, это была единственная социальная группа, которая сразу же оказала большевизму активное сопротивление, в том числе вооруженное. Это происходило уже в то время (осень 1917 г. – зима 1918 г.), когда крестьянство и даже казачество оставались пассивны. Среди тех, кто оказывал сопротивление установлению большевистской диктатуры в стране, представители образованного «сословия», по данным С.В. Волкова, составляли до 80-90 %.

Большевики понимали, что их реальными противниками в гражданской войне были не мифические «капиталисты и помещики», а интеллигенция – в погонах и без погон. По свидетельству А.В. Луначарского, «русская интеллигенция оказалась на стороне врагов революции и рабочего класса.

[...] Революция тоже определила свое отношение к интеллигенции. Поскольку дело дошло до гражданской войны, нужно воевать. Это совершенно ясно: ни один настоящий революционер не скажет интеллигенту так – я позволю тебе стрелять в меня; я же в тебя стрелять не буду» (цитируется по [Волков, 1999]).

Поэтому режим «красного террора», официально введенный в сентябре 1918 г., во многом был направлен против «интеллектуалов». Сама принадлежность к образованному слою, соответствующая профессия, связанная с умственным трудом были достаточными основаниями для включения в число заложников, ареста и последующего расстрела. Об этом говорят многие приказы Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), высказывания ее руководителей Советского государства того времени.

Один из высших руководителей ВЧК М. Лацис (1888-1938 гг.), давая инструкции местным органам, указывал на необходимость руководствоваться при вынесении приговора *профессией и образованием* подозреваемых: «Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Совета с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного террора» (из статьи в журнале «Красный террор»: печатный орган ЧК Восточного фронта. Казань, 01.11.1918 г.).

В приказе ВЧК «Об учете специалистов и лиц, могущих являться заложниками» Ф.Э. Дзержинский подчеркивал, что заложниками должны быть «выдающиеся работники, ученые, родственники находящихся при власти у них лиц». В инструкциях местным органам советской власти по взятию заложников для расстрела указывался круг соответствующих профессий будущих жертв. Большевистские вожди смысл и цели террора видели в подавлении именно *интеллигенции*.

Лев Троцкий, один из руководителей Советской России, пишет в газете «Известия ВЦИК» от 10.01.1919 г.: «Террор как демонстрация силы и воли рабочего класса получит свое историческое оправдание именно в том факте, что пролетариату удалось сломить политическую волю интеллигенции».

И ученых, профессоров, преподавателей вузов власти брали в заложники, расстреливали в застенках.

Русский историк и политический деятель С.П. Мельгунов (1879-1956 гг.), высланный в 1922 г. из Советской России, в 1924 г. в Берлине издал свою книгу «Красный террор в России. 1918-1922». В этой книге С.П. Мельгунов, ссылаясь на публикацию *проф. Sarolea* в эдинбургской газете «The Scotsman» за 07.11.1923 г., в числе иных погибших называет и «6000 профессоров и учителей» [Мельгунов, 1990, с. 65].

С.П. Мельгунов пишет, что автор не указывает источник этих данных. Достоверность приведенных цифр не может быть проверена и вызывает сомнения. Основания для сомнений мы находим у современного отечественного историка С.В. Волкова, которого трудно отнести к числу «ангажированных большевиками». Он пишет, что в 1916 г. в России *учебный персонал* вузов в сумме составлял всего 6655 человек [Волков, 1999, табл. 1].

Истинность приведенных потерь означала бы, что в живых осталось только 655 «старых» преподавателей вузов. Но в 1919 г., по данным С.В. Волкова, в России насчитывается 4000 (по другим данным – 1927) университетских преподавателей [Волков, 1999, глава 3, часть 1].

По мнению историка – современника событий, общая характеристика террора в России соответствует действительности. С.П. Мельгунов пишет, что среди примерно 1,7-1,8 млн. всех

расстрелянных большевиками в эти годы (именно такие цифры получили широкое хождение в эмигрантской печати) «на лиц, принадлежащих к образованным слоям, приходится лишь 22 % (порядка 440 тысяч)» [Мельгунов, 1990, с. 87-88]. Но и это число жертв ужасает.

А с лета 1922 г. готовится и проводится операция, получившая в отечественной истории название «философский пароход».

«Философский пароход»: высылка интеллигенции

Драматические события, связанные с «философским пароходом» занимает особое место в истории России. Обстоятельства, связанные с высылкой за границу и частично в северные губернии России «активных контрреволюционных элементов» из среды «неугодной» интеллигенции. Поскольку среди инакомыслящих особо выделялись философы, возникло нарицательное словосочетание «философский пароход» [Главацкий, 2002]. Под этим названием эта акция и вошла в историю как символ репрессий 1922 г.

Тема насильственного изгнания интеллигенции почти семь десятилетий находилась в СССР под полным запретом. Но ее значимость для российского образования и гуманитарной науки столь велика, что даже спустя 90 лет она привлекает внимание всех тех, кого волнует судьба интеллигенции в России.

Подлинной причиной высылки интеллигенции являлась неуверенность руководителей советского государства в своей способности удержать власть после окончания Гражданской войны. Сменив политику военного коммунизма на новый экономический курс и разрешив в сфере экономики рыночные отношения и частную собственность, большевистское руководство понимало, что оживление мелкобуржуазных отношений неминуемо вызовет всплеск политических требований о свободе слова, а это представляло прямую угрозу власти вплоть до смены социального строя. Поэтому партийное руководство решило вынужденное временное отступление в экономике сопроводить политикой «закручивания гаек», беспощадным подавлением любых оппозиционных выступлений.

Для власти и карательного аппарата актуальной становится задача «наведения порядка», то есть обеспечения единомыслия, – в русле политики правящей партии, – в сфере культурной и научной жизни страны. И именно в этот момент «репрессивный аппарат обрушивается на тех, кто на заре революционных преобразований имел неосторожность осуждать социальные нововведения или дискутировать с большевиками относительно путей и форм создания новой социальной общности» [Абульханова-Славская и др., 1997, с. 50].

В дальнейшем, с молчаливого одобрения «верхних» этажей вертикали власти, уже и начальники разного масштаба, местные «унтеры-пришибевы», будут жесточайшим образом подавлять малейшие ростки несогласия подчиненных со *своей* позицией, единственно правильной позицией *его* – «Босса»! И проводить свой «боссинг» такой начальник будет, опять же, прикрываясь задачей «наведения порядка» во вверенных ему подразделениях!

Замысел акции начал вызревать у лидеров большевиков еще зимой 1921-1922 г., когда они столкнулись с *массовыми забастовками профессорско-преподавательского состава вузов* и оживлением общественного движения в интеллигентской среде.

Теоретическое обоснование идеи высылки российской интеллигенции, а также и активное продвижение этой идеи, – как *на документах* убедительно показал М.Е. Главацкий, принадлежит В.И. Ленину [Главацкий, 2002]. В статье «О значении воинствующего материализма», законченной 12 марта 1922 г., В.И. Ленин открыто сформулировал идею высылки представителей интеллектуальной элиты страны. Уже 19 мая он направил секретное письмо Ф.Э. Дзержинскому с изложением инструкции по подготовке к высылке «контрреволюционных» писателей и профессоров.

Основную практическую работу по подготовке к высылке возложили на ГПУ, которое уже имело некоторый опыт [Высылка вместо ..., 2005]. Так, еще в мае 1921 г. в целях выявления инакомыслящих в важнейших государственных учреждениях страны, в том числе в наркоматах и *университетах*, были созданы «бюро содействия» работе ВЧК. Их члены из числа партийных и советских руководителей (коммунисты с не менее чем 3-летним партийным стажем) собирали разнообразную информацию об антисоветских элементах в своих учреждениях. Кроме того, в их обязанности входило наблюдение за проведением съездов, собраний и конференций, в том числе *научных*.

При негласной помощи «бюро содействия» с целью формирования и уточнения списков высылаемых чекисты опрашивали руководителей наркоматов, секретарей партийных ячеек вузов, научных учреждений, партийных литераторов.

В июне – июле 1922 г. в стране фактически было покончено с активной политической оппозицией (в это время состоялся суд над социалистами-революционерами, в результате которого из страны были высланы лидеры эсеров и меньшевиков). И, несмотря на то, что большой политической угрозы интеллигенция не представляла, тем не менее, решением вопроса о судьбе русских ученых занимались первые лица государства.

2 июня 1922 г. официальный печатный орган правящей партии газета «Правда» публикует статью Льва Троцкого под названием «Диктатура, где твой хлыст?», в которой уже ставится вопрос о необходимости «разобраться» с теми, кто имел *свою* точку зрения на происходящее в стране Советов.

16 июля Ленин из подмосковных Горок, где лечился после инсульта, в письме Сталину выразил обеспокоенность проволочкой в деле высылки инакомыслящих. «Комиссия ... должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно, – указывал Владимир Ильич. – Очистим Россию надолго». Предупреждал, что «делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовывать... без объявления мотивов – выезжайте, господа!» [Ленин, 2000, с. 544-545].

С этой целью на XII Всероссийской конференции РКП(б), проходившей с 4 по 7 августа 1922 г., был поднят вопрос об активизации деятельности антисоветских партий и течений. В резолюции по докладу Г.Е. Зиновьева указывалось, что нельзя отказаться и от применения репрессий по отношению к мнимо беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, говорилось, что для нее подлинные интересы науки, техники, педагогики и т.д. являются только пустым словом, политическим прикрытием. Резолюция была доведена до населения центральными и местными газетами. Теперь можно было продолжить акцию.

«Операция» против инакомыслящих представляла собой не одномоментное действие, а серию последовательных акций. Можно выделить следующие ее основные этапы: 1) аресты и административные ссылки врачей, участников 2-го Всероссийского съезда врачебных секций – 27-28 июня; 2) репрессии вузовской профессуры – 16-18 августа; 3) «профилактические» мероприятия в отношении «буржуазного» студенчества – в ночь с 31 августа на 1 сентября 1922 г.

Основную репрессивную операцию провели в ночные часы 16-18 августа. Среди заключенных в тюрьмы ГПУ или оставленных под домашним арестом оказались известнейшие философы, социологи, профессора вузов, писатели, математики, инженеры, врачи. Все они были допрошены или дали ответы на заранее подготовленные вопросы об отношении к советской власти и проводимой большевиками политике. В основном, никто из арестованных против власти не выступал. Однако, будучи людьми мыслящими, они и не думали скрывать свое отношение к ней. Большинство подсудимых считало, что отрыв от родной почвы для русской интеллигенции является весьма болезненным и вредным, а основная ее задача – содействие распространению в стране научных знаний и просвещения, в котором нуждаются все слои общества.

С арестованных были взяты две подписки: обязательство не возвращаться в советскую Россию и выехать за границу за свой (при наличии собственных средств) или за казенный счет. «Исключение» было сделано для врачей: согласно принятому ранее решению Политбюро ЦК РКП(б), они подлежали высылке не за границу, а во внутренние голодающие губернии для спасения гибнущего населения и борьбы с эпидемиями.

И вот 31 августа в печати появляется сообщение о высылке из страны наиболее активных «контрреволюционных элементов» из среды профессоров, философов, врачей, литераторов.

Всего было выслано 225 человек. В числе высланных были и известные ученые идеалистического направления, занимавшиеся психологической проблематикой: С.Л. Франк, основоположник так называемой «философской психологии»; религиозные философы Л.П. Карсавин, И.А. Ильин,

Н.А. Бердяев; один из организаторов и редактор журнала «Вопросы философии и психологии», руководитель Московского Психологического общества Л.М. Лопатин; социолог П. Сорокин; один из ведущих специалистов в области изучения иррационального Б.П. Вышеславцев и другие.

Это была акция *устрашения* для *оставшейся* в стране интеллигенции. Любой террор, будь то «красный», кровавый террор, или же психологический, внешне «бескровный» террор (психотеррор), направлен не только против выбранных жертв. Являясь акцией *устрашения*, всякий террор – в еще большей мере, направлен на *запугивание* остальных.

Оправдываясь перед международной общественностью, Лев Троцкий в интервью американской журналистке Анне-Луизе Стронг (подруге Джона Рида), опубликованном 30 августа 1922 г. в газете «Известия», пытался представить предпринятые репрессии своеобразным «гуманизмом по-большевистски»: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений [...] все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением» (приводится по [Очистим Россию..., 2003]).

С.В. Волков констатирует, что социальный слой носителей российской культуры и государственности был уничтожен вместе с культурой и государственностью исторической России в результате большевистского переворота. В течение полутора десятилетий после установления коммунистического режима было в основном покончено с его остатками этого культурного слоя. Одновременно шел процесс создания «новой интеллигенции», обеспечивший то положение и состояние интеллектуального слоя в стране, которое он занимает и в настоящее время [Волков, 1999].

Обеспечение лояльности интеллектуального слоя, недопущение возможности оппозиции с его стороны, – начиная с 20-х годов рассматривается политическим руководством страны в качестве одной из важнейших задач. Решение этой задачи достигалось двумя путями.

Согласно первому из них, усилия властей направлялись на исключение корпоративную общности и солидарности внутри этого слоя. Это достигалась, с одной стороны, репрессиями на более свободолобивую, осознающую свою значимость в обществе, – часть профессионального сообщества преподавателей вузов, – и подавления, запугивания остальных. С другой стороны, путем «подкармливания» и «согревания» наиболее лояльной властям профессуры и членов научно-педагогических коллективов вузов.

Согласно второму пути решения, – иметь возможность заменить саботирующих или репрессируемых специалистов, по возможности, без ущерба для дела (а в случае «конфликта

мотивов», предпочтения отдаются лояльности преподавателя, – даже если это и не на пользу дела).

Истоки: вузовская и академическая среда в начале XX века

Итак, по С.В. Волкову, интеллектуальный слой России был фактически уничтожен в результате революционного и «красного» террора. Уничтожен и слой российской университетской и академической интеллигенции, основная часть преподавателей вузов старой формации, носителей образовательной культуры и университетских традиций.

Но стоит уточнить: «А был ли мальчик?». Был ли в вузах царской России начала XX века такой преподавательский корпус, который можно считать носителем образовательной культуры и университетских традиций? Для ответа на этот вопрос посмотрим какими количественными и качественными показателями характеризуется академическая корпорация России того периода.

Россия, входя в капитализм, *стремительно преодолевала* накопленное отставание в области высшего образования. В 1914 г. в России (с учетом Польши, входившей в состав Российской империи) было 127 тыс. студентов [Миронов, 2003. Т. 2. Приложения: табл. 11, с. 385]. По данным, приводимым П.Н. Милюковым, в 1894 г. число учащихся в университетах России составляло чуть менее 14 тыс. [Милюков, 1897. с. 339], а по расчетам Б.Н. Миронова, число студентов на 10 тыс. чел. населения в России в 1890 г. было в 4 – 10 раз меньше, чем в промышленно развитых странах [Миронов, 2003. 1897, Приложения: табл. 11, с. 385] Это значит, что за два довоенных десятилетия количество студентов в российских вузах выросло более, чем в 9 (!) раз.

Отставание царской России в *высшем образовании* было связано было связано с общим отставанием *всего образования* в стране. В 1840 г. по числу учащихся в *начальных и средних общеобразовательных* школах на 1000 чел. населения Россия отставала от Германии в 22,6 раза, а от США, Великобритании, Франции и даже Австро-Венгрии – в 15 раз [Миронов, Указ соч., табл. 10, с. 384]. По суммарному (вместе с Польшей) числу *студентов* на

10 тыс. чел. населения, в 1890 г. Россия отставала от Великобритании в 4 раза, Франции – в 5 раз, Германии – в 6 раз, а США – в 10 раз и только в 1913 г. этот разрыв стал минимальным, приблизившись к 1,5 [Там же, табл. 11, с. 385].

К 1914 г. *профессорско-преподавательский* корпус российской высшей школы насчитывал всего около 5 тыс. человек [Иванов А.Е., 1991, с. 208], по другим данным, *учебный персонал* вузов составлял 6658 чел. [Высшее образование..., 1961, с. 203]. При этом научных работников в 300 научных организациях по разным оценкам, было, по разным оценкам, от 10,2 тыс. чел. до 11,6 тыс. чел. (приводится по [Волков, 1999], автор ссылается на [Страна Советов., 1967, с. 283]).

Но этой компактной профессиональной группе интеллигенции принадлежала весьма заметная, далеко не адекватная ее малочисленности, роль в социально-экономической, общественно-политической, культурной жизни страны. Профессора и преподаватели представляли цвет отечественной науки, значение которой неизмеримо возросло в эпоху, когда экономика России восходила к высотам капиталистического развития. Все большую общественную ценность приобретал и труд подготовленных ими дипломированных специалистов.

На примере академической (преподавательской) корпорации Санкт-Петербургского университета, рассмотрим, каковы же традиции и направленность активности преподавательского корпуса российских вузов того времени.

Приводимые Е.А. Ростовцевым данные говорят о том, что за десятилетний предвоенный период численность преподавательского корпуса Санкт-Петербургского (столичного) университета выросла более чем на треть и составила 256 человек [Ростовцев, 2009, с. 140]. Этот

прирост численности преподавателей произошел, в основном, за счет резкого (более, чем на 70 %) увеличения числа молодых преподавателей, прежде всего приват-доцентов. При этом профессорский состав, определенный штатным расписанием, остался неизменным. Это, безусловно, обеспечило устойчивость политики *профессионального сообщества* преподавателей и научных сотрудников университета (университетской корпорации) и сохранность его традиций [там же, с. 139].

В период с 1884 г. по 1917 г. российская система аттестации научных знаний была близка западноевропейской (существовало две ученых степени - *магистр* и *доктор*), но требования к соискателям в России были значительно выше, чем за рубежом. Так, ученая степень *доктора философии*, полученная в университетах этих стран, приравнивалась к степени магистра, да и то после соответствующей аттестации в российском университете.

Это не относилось к лицам, получившим в западных университетах ученые степени доктора наук по какой-то определенной отрасли науки. В российской аттестационной системе тех времен присутствовали все те элементы аттестации, которые есть и сегодня: испытание (экзамен); подготовка диссертации (научного труда) по определенному научному разряду; положительное заключение факультета, где выполнялась работа; экспертиза с оппонентами; публичная защита; утверждение. Отличие в том, что аттестация проводилась в университете, государственных надзорных структур не существовало [Иванов, 1994].

Отношение столичной университетской корпорации (как и других университетов России) с властью и обществом в начале XX века было связано с проблемой так называемой «автономии» университета.

В истории России роль государства в контроле над всеми сторонами общественной жизни всегда была велика [Аврус, 2001]. Проводником государственной власти на местах была многочисленная бюрократия. Для первых университетов, возникших в царской России, бюрократический контроль с самого начала означал отсутствие перспектив в достижении университетской автономии.

С формально-юридической точки зрения автономия российских вузов была очень ограниченной. Хотя главным органом принятия решения в университете был *профессорский Совет*, который обладал правом выбирать ректора, проректоров, деканов, профессоров, приват-доцентов, но Министерство народного просвещения было вправе не утвердить выбор университета и произвести назначения по своему усмотрению. Все основные внутривузовские решения (изменения в составе кафедр, формирование экзаменационных комиссий, учебные планы и т.д.) также утверждались министерством. Такая ситуация совершенно не соответствовала идейным стремлениям университетской элиты.

Примером организации русской университетской системы выступали западные университеты (причем, как отмечает Е.А. Ростовцев, «часто примером была не столько реальность, сколько представления о ней» [Ростовцев, 2009, с. 142]), структура которых являлась образцом истинной автономии. Задача университета виделась не столько в решении утилитарных запросов государства, сколько в «просвещении граждан»; вмешательство же властей в университетскую жизнь представлялось совершенно *недопустимым*.

Поэтому, *фактически* именно *профессорские Советы* имели *определяющее* значение для всей внутренней жизни университета. Любое вмешательство министерства (несмотря на формально-юридическую обоснованность) в то, что профессура считала своей компетенцией, наталкивалось на ее предельно жесткий отпор.

Е.А. Ростовцев подчеркивает, что «академическая среда» (которую, в основном, составляли преподаватели вузов) в начале XX века представляла в России весьма узкую социальную прослойку. Жизнь этой «касты избранных» имела сложное и многогранное устройство, далеко выходящее за формальные рамки, определяемые Уставом университетов. Пропуском в вузовско-академическую корпорацию был *успех* на научном *диспуте*. В то время диспуты

были настоящими общественными явлениями, собиравшими. Зачастую полные актовые залы; о диспутах по гуманитарной и социальной тематике делали подробные репортажи в газетах. Допуск в мир «избранных» означал не только обретение формальных привилегий, но и возможность посещения многочисленных неформальных профессорских «салонов» и «вечеров», где велись предельно откровенные разговоры на разные темы.

Своеобразная «кастовость» *общения и быта* вузовских преподавателей не означала «замкнутости» их творческой и общественной деятельности. Большинство профессоров и преподавателей университета совмещало работу в его стенах с другими формами *внеуниверситетской*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.